

Смирнова Елизавета Валерьевна

аспирант кафедры социальной философии
и философии истории философского факультета,
младший научный сотрудник
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

КРИТИКА КОНЦЕПЦИЙ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ [1]

Аннотация:

Цель статьи – приблизиться к пониманию роли идеологии в жизни современного общества, в том числе российского, путем рассмотрения и критики концепций деидеологизации. Показано, что корни течения лежат в негативном отношении к данному феномену, которое берет начало еще с построений К. Маркса и Ф. Энгельса. Основное внимание в статье уделено анализу концепций Д. Белла, Р. Арона, С. Липсета, а также Ф. Фукуямы.

Ключевые слова:

деидеологизация, демократия, идеология, «иллюзорное сознание», «конец идеологии», реидеологизация, российское общество, Д. Белл, Р. Арон, С. Липсет, Ф. Фукуяма.

Smirnova Elizaveta Valerievna

PhD student, Junior Research Associate,
Social Philosophy and Philosophy of
History Department,
Philosophy Faculty,
Lomonosov Moscow State University

CRITICISM OF DEIDEOLOGIZATION CONCEPTIONS [1]

Summary:

The article focuses on the role of ideology in the contemporary society, including the Russian one, by studying and criticizing the deideologization conceptions. The author shows that these theories root in the negative attitude to this phenomenon, which dates back to the works of K. Marx and F. Engels. The author deals with the conceptions of D. Bell, R. Aron, S. Lipset and F. Fukuyama.

Keywords:

deideologization, democracy, ideology, "false consciousness", "the end of the ideology", reideologization, Russian society, D. Bell, R. Aron, S. Lipset, F. Fukuyama.

В современной России часто ведутся споры о том, нужна ли нашей стране идеология. Как известно, пункт 2 статьи 13 Конституции РФ гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Однако многие политические и общественные деятели призывают не трактовать это утверждение слишком буквально, доказывая, что в том или ином виде идеология стране все-таки необходима. Чтобы понять суть этого социального феномена, а также ту роль, которую идеология играет в современном российском обществе, необходимо рассмотреть концепции деидеологизации, получившие свое распространение в середине 50-х – начале 70-х гг. XX в. Как правило, их сторонники исходят из представлений об идеологии как явлении, выступающем атрибутом «закрытости» и «несвободы» общества. К примеру, Х. Арндт утверждала, что только в тоталитарных обществах идеологии могут полностью раскрыть свою мощь и потенциал [2, с. 610–611]. Апологеты деидеологизации, наблюдая крах, который потерпели эти общества в XX в., пророчат «смерть» идеологии.

Классиком теорий деидеологизации считается Д. Белл. Говоря о конце идеологии, он имел в виду процессы, происходившие в современном ему американском обществе 50-х гг. XX в., характеризовавшиеся резким снижением интереса молодежи к политической жизни. Вообще, исследователь многократно подчеркивал, что основная функция идеологии – мобилизация эмоциональной энергии, сравнивая ее в этом смысле, к примеру, с религией. В современности же старые страсти исчерпаны, и новое поколение пытается найти новые цели. Однако политика для молодых интеллектуалов уже неинтересна, и они направляют свои силы в науку или искусство [3, р. 370–375].

Кроме того, падение роли идеологии Белл связывал с распространением научного мировоззрения и прагматических настроений. Однако в истинности подобных утверждений можно усомниться. К примеру, Ю. Хабермас в своей работе 1968 г. «Техника и наука как идеология» показывал, как развитие науки и техники становится не чем иным, как основанием идеологической мощи [4]. Наконец, сам Белл достаточно быстро от своих взглядов отрекся и впоследствии неоднократно утверждал, что его книга «Конец идеологии» «часто получала неправильное толкование. В ней вовсе не возвещался конец всех идеологий ... На самом деле я говорил о том, что в молодых государствах Африки и Азии создавались новые идеологии» [5, с. CXLII].

В 1955 г. выходит работа Р. Арона «Опиум для интеллигенции». Уже само ее название показывает, что французский философ, так же как и Белл, проводит параллель между идеологией и религией – главная функция их обеих, по его мнению, состоит в том, чтобы заполнять пустоту в человеческой душе. Важнейший же признак идеологии и одновременно ее порок – это убеждение в универсальной истинности своей точки зрения [6, с. 174]. Именно это является, по

его утверждению, основной проблемой европейских интеллектуалов. Если же говорить непосредственно о «конце» идеологии, то Арон его не констатирует и не предвещает, он скорее выражает свою надежду на то, что научное мировоззрение и терпимость к иным точкам зрения обладают. Однако способность быть открытым к другим и даже противоречащим точкам зрения, по нашему мнению, сути идеологии не противоречит. К примеру, психоаналитик О. Кернберг говорил о возможности создания абсолютно открытой и терпимой идеологии [7, р. 28–35].

Нельзя не упомянуть концепцию С. Липсета. В своей работе «Ideology and no end» ученый утверждает, что фундаментальные политические и экономические проблемы в западном мире уже решены. В таком «хорошем» обществе никакие идеологические идеи уже не смогут поднять массы на борьбу. Более того, сам имеющийся политический строй, если он обеспечивает для всех достойный уровень жизни, не нуждается в дополнительной легитимации, которую могла бы осуществлять идеология. Найден относительно совершенный тип государственного устройства (демократия), а это означает, что идеология как таковая может отмереть [8]. Здесь мы видим, помимо прочего, отголоски представления об идеологии как об «иллюзорном» сознании (концепция К. Маркса и Ф. Энгельса), как о лжи, необходимой для того, чтобы оправдать тот или иной тип политического устройства [9, с. 14]. Очевидно, самое уязвимое место в построениях Липсета – это утверждение, что достигнуто стабильное политическое и экономическое состояние и больше нет причин для идейной и политической борьбы. Впрочем, не стоит забывать, что Липсет, так же как и Белл, от своих взглядов достаточно быстро отрекся.

Однако уже в 90-е гг. XX в. появляется теория «конца истории» Ф. Фукуямы. Его концепция, с одной стороны, схожа с построениями Липсета, но с другой – в корне отличается от теорий деидеологизации. Вместо того чтобы утверждать, что идеология отмерла за ненужностью, он провозглашает конец идеологической борьбы, полную и безоговорочную победу неоллиберализма. Он пишет о достигнутом небывалом консенсусе по поводу легитимности либеральной демократии, в то время как соперничающие идеологии (тут он выделяет наследственную монархию, фашизм и коммунизм) потерпели крах. Либеральная демократия, по его мнению, лишена внутренних логических противоречий. Конечно, он не отрицает, что даже страны с развитой демократией сталкиваются с разнообразными социальными проблемами, которые, однако, представляют собой, по его мнению, лишь временные эмпирические трудности. Совершенство же принципов, лежащих в основе данной идеологии, сомнений у него не вызывает [10].

Его позиция встретила массу протестов. В частности, Ж. Деррида выступил с критикой его концепции, показывая слабые места теории и практики неоллиберальной модели общественного развития. Философ утверждает, что расизм, ксенофобия, религиозные конфликты и многое другое – не временные эмпирические затруднения на пути реализации этой идеологии, а свидетельство ее глубокого внутреннего кризиса. Деррида показывает необходимость создания качественно новых идеологий, способных удовлетворить нужды глобализирующегося общества [11, с. 82–93].

Таким образом, можно обобщить, что для сторонников деидеологизации в целом характерно негативное отношение к идеологии, противопоставление ее научному мировоззрению. Корни такого отношения находятся еще в теории «иллюзорного сознания» К. Маркса и Ф. Энгельса, определявших идеологию как ложь, иллюзию. Негативное отношение к данному социальному феномену приводит теоретиков деидеологизации к мысли о том, будто в демократических государствах идеологии быть не должно. Однако не стоит забывать, что и Белл, и Липсет впоследствии от своих взглядов отrekliсь. Достаточно быстро на смену теориям деидеологизации пришли теории реидеологизации. К. Гирц [12], Л. Альтюссер [13], Р. Барт [14], Л. Болтански [15], С. Жижек [16] и другие писали об усилении роли идеологии в современном обществе и обществе будущего. Доводы сторонников деидеологизации были опровергнуты. В том числе постепенно стало формироваться более позитивное отношение к самому феномену идеологии. Хотя не стоит забывать, что ее способность выполнять важнейшую психологическую функцию – а именно направлять энергию людей, а значит, мотивировать их к той или иной деятельности – не могли не отметить даже сторонники теорий деидеологизации.

Ссылки и примечания:

1. Публикация подготовлена при поддержке фонда РФГФ (проект № 15–03–00868 «Российское общество и государство в их становлении и эволюции: этнорелигиозные, культурно-исторические и коммуникативные контексты»).
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
3. Bell D. The end of ideology. Illinois, 1960. P. 370–375.
4. Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М., 2007.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.
6. Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960.
7. Kernberg O.F. Ideology, Conflict, and Leadership in Groups and Organizations. London, 1998.
8. Lipset S.M. Ideology and no end // Encounter. 1972.

9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2009.
11. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М., 2006.
12. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
13. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения: 01.07.2015).
14. Барт Р. Мифологии. М., 1996.
15. Болтански Л., Кыяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.
16. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.

References and notes:

1. The publication has been prepared with the support of Russian Foundation for Humanities (Project № 15-03-00868 "Russian Society and State in their genesis and evolution: ethnic, religious, cultural, and historical contexts").
2. Arendt, H 1996, *Origins of Totalitarianism*, Moscow.
3. Bell, D 1960, *The end of ideology*, Illinois, p. 370-375.
4. Habermas, J 2007, *Technology and Science as Ideology*, Moscow.
5. Bell, D 2004, *The coming post-industrial society. Experience in social forecasting*, Moscow.
6. Aaron, R 1960, *Opium for the intelligentsia*, Munich.
7. Kernberg, OF 1998, *Ideology, Conflict, and Leadership in Groups and Organizations*, London.
8. Lipset, SM 1972, 'Ideology and no end', *Encounter*.
9. Marx, K and Engels, F 1988, *The German Ideology*, Moscow.
10. Fukuyama, F 2009, *The End of History and the Last Man*, Moscow.
11. Derrida, J 2006, *Ghosts of Marx. State debt, the work of mourning, and a new International*, Moscow.
12. Geertz, K 2004, *Interpretation of Cultures*, Moscow.
13. Althusser, L 2011, 'Ideology and ideological state apparatus', *NZ*, no. 3 (77), retrieved 01 July 2015, <<http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>>.
14. Bart, R 1996, *Mythology*, Moscow.
15. Boltanski, L & Kyapello, E 2011, *New Spirit of Capitalism*, Moscow.
16. Zizek, S 1999, *Sublime Object of Ideology*, Moscow.